Н.В. ЛЕОНОВА

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАЗАКОВ АЛТАЯ

Новосибирская государственная консерватория
(академия) им. М.И. Глинки,
e-mail: nleonova53@mail.ru.

Статья посвящена характеристике песенной традиции алтайских казаков. Основное внимание уделяется анализу жанрового состава певческого репертуара в его связи с традиционными формами семейного и общественного быта (свадьбы, «беседки», вечорки, «улицы»). Сравнение материалов, опубликованных на рубеже XIX–XX вв., и полевых записей 1980-х гг. позволяет определить динамику и характер изменения песенного репертуара на протяжении последнего столетия.

Ключевые слова: песенные традиции, жанровый состав репертуара, певческие группы.

Первые публикации фольклора казаков Алтая появились на рубеже XIX–XX в. благодаря деятельности Ф. Зобнина [1–3] и В. Плотникова [4; 5]. Частично зафиксированные ими материалы использованы при подготовке обобщающего издания «Фольклор казаков Сибири», подготовленного Бурятским институтом общественных наук в 1969 г. [6].

Публикации Зобнина и Плотникова дают представление о жанровом составе и репертуаре песен алтайских казаков, о традиционных формах семейного и общественного быта. Так, во второй половине XIX в. значительное место в культуре казачьего населения занимал свадебный обряд и его песни. Описание свадьбы Зобниным «составлено на основании рассказов жителей различных частей уезда, в 1897 году, в разгар свадебного сезона» [3, с. 1]. В качестве главных моментов «законной», или «согласной» свадьбы (в отличие от «беглой») собиратель выделяет сватовство, заручины, или рукобитье, девичник, бранье, большой стол, похмельный стол, стол для дружки и поезжан и другие «хмельные» и «похмельные» столы. В этнографическое описание включены тексты 12 свадебных песен. Еще девять свадебных песен опубликовал Плотников [5, с. 54–58].

От Пасхи до Троицы по воскресеньям и праздничным дням в казачьих станицах устраивались игрища с хороводами и игровыми песнями [1; 2]. В коллекции Плотникова есть также песни вечерочные, проголосные, а также наиболее естественные для мужской исполнительской традиции – военные и походные. Среди песен других жанров, широко бытующих у казаков, собиратель называет песни литературного происхождения, авторские (например, «русские песни» Варламова) и романсы [5]. Г.Н. Потанину удалось записать от казака Дьякова фрагменты нескольких былин [7, с. 102]. В настоящее время в репертуаре потомков алтайских казаков преобладает лирика. С записями рубежа XIX–XX вв. ее связывают, как правило, отдельные сюжетные, образные и текстовые переклички. Так, мотивы записанной в начале XX в. песни «Проходи-ко ты, мое скучное времечко» сохранились в ныне бытующих – «Со востоку ветер дует», «Под окошечком сидела», «Канареечка моя любезна». Полных песенных аналогов в современном репертуаре казаков к записям рубежа веков не обнаружено [8, с. 5–6].

Достоверных музыкальных публикаций песен алтайских казаков до недавнего времени не существовало. Единственное раннее издание, которое может содержать некоторую часть алтайских песен, – это сборник «Песни сибирских казаков», опубликованный в Петрограде в 1916 г. [9]. В кратком предисловии к нему приведены некоторые сведения об истории его создания. В Сибири сбор и обработку песенного материала проводили есаулы В.О. Бедрин и Г.И. Иванов, написавший предисловие к изданию. Все подготовленные материалы предполагалось издавать постепенно отдельными выпусками. В первый, единственный вышедший из печати выпуск вошли песни военные, военно-исторические и военно-бытовые (всего 64 песни). Все они первоначально были записаны без напевов, поэтому почти половина песен опубликована только в виде словесных текстов. Для остальных песен, а их 35, «ноты написаны» чиновником войскового хозяйственного управления Я.О. Бурковым (некоторые – автором предисловия) «в том виде, как эти песни поются в войске». Очевидно, песни, к которым воссозданы напевы, являлись наиболее распространенными, популярными и часто пелись в полках, были «на слуху». «Гармонизация всех песен произведена исключительно Я.О. Бурковым. При этом главной заботой было сохранение характера мотива песен, вследствие чего допущены некоторые отступления от правил общей музыки». Ясно, что речь идет об обработках казачьих песен, а не о полноценных многоголосных записях. Вышеизложенное, а также полное отсутствие паспор-

© Леонова Н.В., 2009

тизации записей делает затруднительным использование сборника 1916 г. в качестве источника научного исследования.

В настоящее время коллекции звукозаписей, выполненных в бывших казачьих станицах Колывано-Кузнецкой военной линии, имеются в нескольких организациях. Самая ранняя, небольшая по количеству фольклорных единиц коллекция хранится в фольклорном архиве Российской академии музыки. Эти звукозаписи выполнены фольклорными экспедициями под руководством В.М. Щурова в станице (деревне) Антоньевка Петропавловского района Алтайского края в 1976 г. и в Верх-Убе Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской обл. в 1981 г.

Самым популярным местом записи казачьего фольклора для фольклористов научного и исполнительского направлений стала бывшая защита Тулата Чарышского района Алтайского края. Звукозаписи тулатинских песен имеются в архивах Новосибирска, в частности в фольклорном архиве Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии и Новосибирской консерватории[1].

Самая большая и последовательная работа по фиксации песенного фольклора алтайских казаков проведена научным сотрудником Алтайского краевого центра народного творчества В.И. Бодровой. Во второй половине 1980-х гг. ею были организованы неоднократные экспедиционные поездки по сохранившимся поселениям Колывано-Кузнецкой военной линии. В ходе этих поездок удалось выявить небольшой круг бывших казачьих селений, состав жителей которых не подвергся значительным изменениям под воздействием миграционных процессов, что явилось важнейшим условием сохранения фольклорных традиций казаков. Коллекция звукозаписей В.И. Бодровой, которая ныне хранится в фонде Государственного художественного музея Алтайского края, включает песни и наигрыши, записанные в дер. Антоньевка Петропавловского района, в с. Тигирек Краснощековского района, селах Маральи Рожки, Красные Орлы и Тулата Чарышского района. Дипломная работа В.И. Бодровой, написанная в Новосибирской консерватории, – фактически первое музыковедческое осмысление собранного материала [8]. В 1993 г. на фирме «Русский диск» была подготовлена грампластинка-гигант «Традиционный фольклор Алтая» (R30 02025/26), на первой стороне которой записаны лирические песни казаков с. Тулата, аннотация подготовлена В.И. Бодровой.

Экспедиционные материалы позволяют значительно дополнить то представление о фольклорной культуре казаков, которое сложилось на основе опубликованных источников. Наибольший интерес представляют сведения и звукозаписи, полученные во время работы в с. Тулата, где до сих пор существуют стихийные формы бытования фольклора и где казачьи песни поются несколькими поколениями местных жителей, а не только пассивно хранятся в памяти отдельных старейших знатоков.

В Тулате до 1990-х гг. существовали две формы фольклорного пения: организованная и стихийная. Организованное пение связано с деятельностью хора, являвшегося гордостью сельского Дома культуры. В этом хоре пели многие тулатинские песенники средних поколений (1920–1930-х гг. рождения). Некоторое время коллектив достаточно регулярно репетировал, выступал в концертах, принимал участие в фольклорных фестивалях района и края. Кроме своих исконных песен, тулатинский хор пел песни, «выученные» с руководителем хора, с «правильным» разделением на первые и вторые голоса, с расстановкой исполнителей «по партиям».

Стихийное пение можно подразделить на индивидуальное (почти все тулатинские певцы любят петь «для себя», тихонько напевать во время работы, дорогой, сообразуясь со своим настроением), «компанейское» (т.е. пение во время праздничных застолий) и «беседное». Последнее из них возникает на «беседках». «Беседки» – это остаточное явление традиционных форм общественного быта, своеобразные вечерние посиделки после завершения основного круга ежедневных домашних работ. Наиболее частые и многолюдные «беседки» собирались летом на улице, возле определенных домов: наиболее известная «беседка» в Тулате устраивалась «у Поливаевых». Хозяйка дома, одна из авторитетнейших песенниц села, нередко еще днем приглашала соседок и подруг: «Приходи ко мне вечером на беседку». Участницами «беседок» были прежде всего женщины среднего и старшего поколения, нередко к ним присоединялись мужчины и более молодые односельчане; детвора из близлежащих дворов также могла устроиться рядом с «беседкой». Круг участников подобных вечерних собраний не постоянен по числу и составу, но каждая «беседка» имела своих завсегдатаев, более-менее стабильное ядро односельчан, собиравшихся для общения, обмена новостями, хозяйственных советов. Очень легко и естественно возникала на «беседках» песня.

Вероятно, на вечерних собраниях сформировались певческие группы Тулаты, каждая из которых объединена некоторыми общими репертуарными и исполнительскими установками. О взаимосвязи «беседок» и творческих станичных групп свидетельствует тот факт, что и те и другие формируются преимущественно с учетом семейно-родственных и территориальных отношений. Демографические характеристики (возрастные и половые) очень опосредованно проявляются в бытовании певческих групп и совершенно неразличимы на «беседках». В.И. Бодрова достаточно полно записала репертуар трех певческих групп верхней части Тулаты. Первая из них объединилась вокруг хозяйки «беседки» Натальи Дмитриевны Поливаевой (1925 г. р.), ядро группы составили ее

[1] Архив традиционной музыки НГК: А0080 и А0085.

ровесники, т.е. песенники 1920-х гг. рождения, но с ними легко спеваются женщины-соседки более преклонного возраста (1907–1913 гг. рождения), а «вытягивает» верхний голос самая молодая песенница – Роза Фадеевна Вершинина, 1937 г. р.

Вторая певческая группа сформировалась вокруг Семяшовой Лидии Павловны, 1935 г. р., ядро группы составляют песенницы и песельники 1930-х гг. рождения, «вытягивает» дочь хозяйки – Нина Владимировна Козлятина, 1953 г. р. Ко второй группе часто присоединяются братья Вершинины, старший из которых, по всеобщему признанию, лучший песенник Тулаты – Григорий Фадеевич родился в 1920 г. Братья с удовольствием поют вдвоем, а нередко и с первой певческой группой. Третья певческая группа – Лобановой Клавдии Спиридоновны – самая ровная по возрастной характеристике ее участниц (1922–1934 г. р.), самая маленькая по числу певиц и самая незаметная в общественной и культурной жизни села [8, прил. VI].

В совместной экспедиции Алтайского центра и Новосибирской консерватории в 1987 г. удалось поработать с певческой группой из нижней части села, ядро которой составили очень пожилые женщины (1908–1912 г. р.), родственницы и однофамилицы Ворогушины, «вытягивает» верхний голос более молодая Е.А. Стрельцова, 1929 г. р. Эта группа заметно отличается по репертуару и манере пения от певческих групп верхней части села, представляя в этом отношении более ранний пласт фольклорной культуры, восходящий к традициям начала XX в.

Старшие песенницы Тулаты сохранили воспоминания о прежних обычаях сельской жизни, описанных или упоминавшихся дореволюционными авторами. Детьми они застали время, когда еще «играли» свадьбы и пели «свадьбинны» песни[2]. Свадьбы справлялись в Рождество, мясоед и масленку, весной после Пасхи и осенью, покровские.

Свадьба складывалась из нескольких этапов: «Раньше и девичник, и рукобитье, и баня были»[3]. Во время рукобитья невеста и жених обменивались подарками, жених приносил невесте платье, полушалок, а она дарила его рубахой. На рукобитье приглашали родных и угощали. После рукобитья «девка сидит в невестах». Подружки по вечерам приходят к ней, шьют, вяжут, любую работу делают и поют. «Придет жених один, сядет и сидит рядом с невестой, а невеста одета нарядно. Вот это – девичнию»[4]. Перед баней, когда косу расплетали, невеста «привывала»:

Ой да ты родимая моя мамонька,
Ой да подступися ко столу,
Ой да расплети-ка трубчату косу...[5]

«А когда уж жених приедет за невестой и выкупит места за столом у девок, тогда поют: «Не шелкова ленточка к стенке льнет»». После венца невесту «окручивали», т.е. укладывали волосы и покрывали голову «по-бабьи», а после этого все гости садились за столы[6].

Вспоминают и о «беглых» свадьбах. «Было, что и убегом выходили замуж... там, Марфа Митрофановна, Зина Серебрянникова... После приходили на простины, родителям невесты в землю кланяются, а они еще сразу-то и не прощают...»[7].

Разрушение традиционной структуры свадебного обряда происходило, видимо, с самого начала XX в., и процесс этот протекал очень быстро. Прасковья Алексеевна Ворогушина, 1911 г. р., выходила замуж в 1928 г., когда свадеб уже не играли: «после венца за занавеской окрутили и все...»[8]. Ей вторят Анисья Ивановна Казакова, 1905 г. р., выросшая в соседней станице Яровской: «В наше время свадьбы особо не играли»[9], а также Анастасия Савельевна Ворогушина, 1913 г. р.: «Наши свадьбы уж не опевались»[10]. Поэтому так отрывочны сведения о свадебном обряде и так мало свадебных песен сохранилось в памяти старейших жительниц села. К упоминавшимся ранее причету и величальной песне можно добавить только одну песню – «При девичьем было вечеру», певшуюся на девичнике – ее удалось записать в Чарыше от А.И. Казаковой[11].

Давно ушли из живой практики и традиционные формы развлечений казачьей молодежи: вечорки и «улицы». Вечорки чаще устраивались зимой, девки собирались по очереди друг у друга, приходили каждая с какой-нибудь работой. А.И. Казакова такие полурабочие собрания называет посиделками: сначала собираются девки, а потом приходят парни с «бандурками» (т. е. с гармошками и балалайками). Бытовали и нерабочие вечорки, когда молодежь собиралась специально для игр и песен, но специальных вечорочных песен не было – пелись любые песни[12]: плясовые, проголосные. Играли и танцевали. Тулатинский балалаечник А.В. Зырянов, 1908 г. р., продемонстрировал несколько наиболее распространенных наигрышей, среди них – «Камаринская», «Подгорная» и полька[13].

Столь же богаты разнообразием событий и культурных форм весенне-летние собрания: весной они чаще проходили за пределами станицы, на лугу, где не столько пели, сколько играли и плясали. Из танцев

[2] М.Л. Козлятина, 1903 г. р. – А0080. Дневник 2. Л. 8.

[3] М.В. Ворогушина, 1912 г. р., П.А. Ворогушина, 1911 г. р. – Там же. Л. 10.

[4] Там же.

[5] Е.А. Ворогушина, 1907 г. р. – Там же. Л. 14.

[6] М.В. и П.А. Ворогушины. – Там же. Л. 9.

[7] Там же. Л. 10; Е.А. Ворогушина. Л. 15.

[8] Там же. Л. 9.

[9] Там же. Л. 37.

[10] Там же. Л. 42.

[11] Там же. № 80.

[12] Там же. Дневник 1. Л. 42; Дневник 2. Л. 8, 13, 37.

[13] А0080. № 51–53.

самыми популярными были «кадрели» и «восьмерка»[14]. Летом молодежь устраивала свои собрания и в станице: верховские – на своей стороне, низовские – на своей. Назывались такие собрания «улицей». Как определенно весеннюю игровую песню низовские песенницы вспомнили только одну песню – «Я, младешенька, по бережку хожу». Из песен, которые пелись молодежью и зимой и летом, кроме всем известной плясовой «Хмелюшка-хмелек», спели шуточную «Ходила чечетка», плясовую «Я посею-то, сею молоденька». Старожилки соседних казачьих поселений (Тигирек, Красные Орлы и Маральи Рожки) вспомнили еще две хороводные песни: «Ты, заря, ты моя зоренька» и «Ты лети, стрела». Три последние песни были в начале века записаны Плотниковым и опубликованы в его собрании [5, № 28, 9, 8].

Старейшая жительница верхней части Тулаты – Прасковья Николаевна Боженова, 1907 г. р. – вспомнила песни, которые сопровождали проведение отдельных коллективных работ. Так, песню «Я посею, молоденька» пели на «поденщину», а «Засвистали козаченьки» – «на помочь»[15], что подтвердили другие участницы «беседки», на которой зашла речь о приуроченных песнях.

Основную часть репертуара «низовской» певческой группы составляют лирические песни, как «мужские», так и «женские». В большинстве случаев это те же песни, что и у более молодых «верховских» коллективов. Обращает на себя внимание тот факт, что в Тулате, как и в других казачьих поселениях, особое распространение получили песни литературного происхождения, распетые как проголосные: «Последний час разлуки» на слова М. Ломоносова, «Сижу я за решеточкой» на слова А. Пушкина, «Прощайте, ласковые взоры» на слова М. Хераскова, «Однажды в рощице гулял я» на слова Г. Хованского и многие другие, исходная поэтическая основа которых подверглась таким существенным изменениям, что с трудом угадывается за позднейшими напластованиями. Как проголосные песни поются в Тулате и баллады лирического содержания.

Лирический репертуар «верховских» певческих групп очень велик, но все-таки по сравнению со «стариками» в нем имеются потери: уроженцы 1920–1930-х гг. знают, но не умеют уже петь такие песни, как «Ой, да ты не пой-ка, не пой, рассоловьюшка», «Это чей же такой незнакомеький» (местный вариант известной песни «Эх, ты, Ванька») или «Уж ты, удаль моя, удаль удалецкая» [5, № 69]. Знаменитую казачью песню «Поехал казак на чужбину» поют из «верховских» только братья Вершинины – это любимая песня их отца, и то младшему из них, Василию Фадеевичу, 1934 г. р., далеко не всегда удается справиться со сложнейшими мелодическими распевами.

Песни с «казачьей» тематикой – походные, военные и лирические – занимают сравнительно скромное место в современной певческой практике тулатинцев. Инициаторами их исполнения, как правило, выступают мужчины, они же запевают такие песни, как «Невольно помнятся походы», «Ой да вспомним, братцы, мы, кубанцы», «Скакал казак через долину», «Проснулася станица» и др. Судя по опубликованной коллекции Плотникова, военные и походные песни, занявшие весь второй выпуск, составляли значительную и наиболее самобытную часть песенного репертуара казаков еще на рубеже XIX–XX вв.

Сравнение песенного репертуара тулатинских певческих групп и опубликованных песенных коллекций Зобнина и Плотникова показывает, как идет процесс сокращения жанровой структуры репертуара и количественного состава песен. Репертуар «низовской» певческой группы в этом смысле занимает промежуточное положение между полижанровыми коллекциями первых собирателей фольклора алтайских казаков и стихийной певческой практикой современной Тулаты, главное место в которой принадлежит лирической, преимущественно проголосной песне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зобнин Ф.* Казачьи песни // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Семипалатинск, 1901. Вып. 1.

2. *Зобнин Ф.*Поездка на Алтай // Живая старина. 1897. Вып. III–IV.

3. *Зобнин Ф.* Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда // Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинск, 1900. Вып. 4.

4. *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Семипалатинск, 1905. Вып. 2.

5. *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Семипалатинск, 1909. Вып. 4.

6. Фольклор казаков Сибири / Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ, 1969. 364 с.

7. *Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. 1864. Вып. 6.

8. *Бодрова В.И.* Песенные традиции алтайских казаков (типовые стилистические характеристики и принципы их исполнительской версификации): Дипломная работа. Новосибирск, 1988. 68 с.

9. Песни сибирских казаков. Пг., 1916. Вып. 1. 112 с.

[14] Там же. Дневник 2. Л. 8, 13.

[15] Там же. Л. 31.